

ПОПАДАНЕЦ 1941. Я СПАС ПОЛК ОТ ОКРУЖЕНИЯ

ВЯЧЕСЛАВ ГОТ

Вячеслав Гот

Попаданец 1941. Я спас полк от окружения

«Издательские решения»

Гот В.

Попаданец 1941. Я спас полк от окружения / В. Гот — «Издательские решения»,

Я знал, чем закончится июнь 1941 года. Знал о немецком наступлении, о потерянных городах и о тысячах солдат, которые попадут в окружение. Но одно дело — знать историю, и совсем другое — оказаться в ней самому.Я очнулся в теле молодого командира Красной армии за несколько дней до начала войны. В моих руках — взвод, на карте — обречённый полк, а впереди — ловушка, из которой почти никто не должен выбраться.По учебникам истории этот полк погибнет, пытаясь вырваться из немецкого кольца.

© Гот В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Чужой календарь 6
Глава 1. Лейтенант, который слишком много знает 9
Глава 2. Глас вопиющего в пустыне 14
Глава 3. Тихий сапёр 19
Глава 4. Дезертирство по-умному 24
Глава 5. Субботний вечер 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Попаданец 1941. Я спас полк от окружения

Вячеслав Гот

© Вячеслав Гот, 2026

ISBN 978-5-0071-5631-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Чужой календарь

Я проснулся от запаха махорки.

Не от будильника, не от звонка телефона, не от голоса диктора по радио — от едкого, резкого запаха дешёвого табака, который въелся в одежду, в стены, в сам воздух.

Сначала я не понял, где нахожусь.

Потолок был низкий, побелённый, с трещинами, похожими на паутины. Лампочка под абажуром из жестянки горела тусклым жёлтым светом. Под боком скрипели доски нар — не кровати, а именно нар, грубых деревянных досок, сколоченных наспех.

Я сел, и голова закружилась так, что пришлось схватиться за край нар. Руки — не мои руки — были молодыми, сильными, с коротко остриженными ногтями. На запястье — часы «Победа», ремешок из грубой кожи.

Где я?

Я посмотрел на стол у окна. На нём — полевая сумка, раскрытая, с документами. Рядом — пистолет ТТ в кобуре, компас, карандаш. И календарь.

Простой, бумажный, отрывной календарь на стене.

18 июня 1941 года.

Я смотрел на эти цифры, и они не имели смысла. Это была дата из учебника истории, из документальных фильмов, из книг о Великой Отечественной. Не из моей жизни.

Я встал, и ноги — чужие, но послушные — твёрдо встали на пол. Ботинки, обмотки, гимнастёрка цвета хаки, висевшая на гвозде. Я подошёл к зеркалу — маленькому, с облупившейся краской на раме.

Из зеркала на меня смотрел молодой человек. Лет двадцать три, не больше. Светлые волосы, коротко стриженные. Серые глаза, широко расставленные. Лицо — открытое, без морщин, без шрамов. Лицо человека, который ещё не видел войны.

Но я-то видел.

Я помнил всё.

Помнил, как проснулся утром 22 июня в своей квартире в Москве, включил радио и услышал голос Левитана. Помнил, как смотрел хронику, читал книги, ездил по местам боёв. Помнил даты, названия, цифры.

Брестская крепость. Минское шоссе. Смоленское сражение. Вяземский котёл. Миллионы пленных. Сотни тысяч погибших.

И я стоял здесь, в 1941 году, за четыре дня до начала войны.

Дверь скрипнула, и в комнату вошёл человек в такой же гимнастёрке, но со звёздами капитана на петлицах. Лицо — усталое, с глубокими морщинами, хотя, наверное, ему было не больше сорока.

— Лейтенант Соколов, вы чего это в таком виде? — он кивнул на мою расстёгнутую гимнастёрку. — Построение через двадцать минут. Рота уже на плацу.

Я смотрел на него и не знал, что сказать. Капитан — командир роты? Батальона? Я не помнил его лица, не помнил его имени.

— Товарищ капитан, — мой голос прозвучал хрипло, — я… я что-то не выспался.

Капитан усмехнулся:
— Это ты, Соколов, ещё легко отделался. Вчера до двух ночи наряд рисовали. Ладно, умойся и выходи. И не забудь — сегодня проверка боеготовности. Комполка сам придёт.

Он вышел, и я остался один.

Я сел на наре и посмотрел на документы в полевой сумке. Удостоверение личности командного состава РККА. Имя: Соколов Андрей Николаевич. Звание: лейтенант. Должность: командир взвода противотанковых ружей.

Противотанковых ружей. В июне 1941 года.

Я закрыл глаза и попытался вспомнить. Что я знаю о ПТР в начале войны? Почти ничего. Их было мало, они были неэффективны против немецких танков, и большинство расчётов погибли в первые недели войны.

Я встал и подошёл к окну.

За окном — обычный военный городок. Казармы, плац, склады. Солдаты строились в шеренги, сержанты кричали, машины ехали по грунтовой дороге. Всё выглядело так мирно, так буднично.

Но я знал.

Через четыре дня здесь начнётся ад.

Я знал, где будут бомбить аэродромы — вон там, за лесом. Знал, какие дороги перекроют первыми — те, что идут на запад. Знал, что этот полк, этот самый полк, в котором я служу, попадёт в окружение и будет уничтожен.

Почти весь личный состав — погибнет или попадёт в плен.

Я посмотрел на свои руки. Чужие руки. Но теперь они были моими. И у меня было четыре дня.

Четыре дня, чтобы изменить историю. Или хотя бы спасти тех, кто стоит сейчас на плацу и не знает, что через сто часов их мир рухнет.

Дверь снова скрипнула, и вошёл парень лет девятнадцати, круглолицый, с веснушками.

— Товарищ лейтенант, — он козырнул, — вам записка от политрука. Срочно.

Я взял записку, развернул. Короткие строки, написанные карандашом:

«Соколов. Зайди ко мне перед построением. Есть разговор. Кобелев.»

Политрук. Значит, сейчас будет идеологическая обработка. Или предупреждение о чём-то. Или просто разговор о том, как важно быть бдительным.

Я скомкал записку и сунул в карман.

— Скажи политруку, что буду через десять минут.

Парень козырнул и вышел.

Я остался один и посмотрел на календарь.

18 июня 1941 года.

Четыре дня.

Девяносто шесть часов.

Достаточно, чтобы сойти с ума. Недостаточно, чтобы спасти всех.

Но я попробую.

Потому что я знаю, что будет. И я не могу просто стоять и смотреть, как эти парни — веснушчатый связной, капитан с усталым лицом, все, кто сейчас на плацу — идут на смерть.

Я застегнул гимнастёрку, надел полевую сумку, взял пистолет.

Пора

Война ещё не началась. Но для меня она уже идёт.

И я не собираюсь проигрывать.

Глава 1. Лейтенант, который слишком много знает

Политрук Кобелев оказался не таким, каким я его себе представлял.

Я шёл по коридору штаба и думал, что увижу типичного комиссара из кино — сурового, с наганом в кобуре, с пламенными речами о врагах народа. Но когда я вошёл в его комнату, передо мной сидел худощавый мужчина лет тридцати пяти в очках с тонкой металлической оправой. На столе — стопка книг, чернильница, недописанное письмо.

— Соколов, садись, — он не поднял глаз от бумаги. — Чай будешь?

— Нет, спасибо, товарищ политрук.

Кобелев наконец посмотрел на меня. Взгляд был внимательный, изучающий. Не такой, каким смотрят на подчинённого. Скорее — как на загадку.

— Андрей Николаевич, я тебя наблюдаю уже неделю, — он снял очки и начал протирать их полой гимнастёрки. — Ты изменился.

Я напрягся.
— В каком смысле, товарищ политрук?

— Не прикидывайся, — он усмехнулся. — Неделю назад ты был обычным лейтенантом. Хорошим, правда. Бойцов своих любил, службу знал. Но обычный. А сейчас — смотришь по-другому. Как будто… как будто знаешь что-то, чего другие не знают.

Сердце колотилось так, что я испугался — он услышит.

— Товарищ политрук, я…

— Не надо, — он махнул рукой. — Я не следователь. Мне другое важно. Ты в последнее время с бойцами много разговариваешь. Не по уставу, а по-человечески. Это хорошо. Но и настороженно. Ты чего-то ждёшь?

Я посмотрел ему в глаза. Прямые, серые, умные. Этот человек не был фанатиком. Он был… настоящим. И это делало всё сложнее.

— Товарищ политрук, — я выбрал слова осторожно, — вы не чувствуете, что… что-то не так? На границе.

Кобелев надел очки и внимательно посмотрел на меня.
— Что именно не так?

— Слишком тихо, — сказал я. — Слишком спокойно. Как перед грозой.

Он помолчал, потом кивнул.
— Я тоже это чувствую. Но официальная линия — провокации возможны, но крупномасштабного наступления не будет. Товарищ Сталин…

Он не закончил. Не нужно было.

— Я понимаю, товарищ политрук. Но я прошу — будьте осторожны. Все мы.

Кобелев усмехнулся, но в усмешке не было насмешки.
— Ты странный, Соколов. Ладно, иди на построение. Поговорим позже.

Плац залит солнцем.

Третья рота строится в шеренгу. Я иду вдоль строя и смотрю в лица.

Вот сержант Михайлов — высокий, плечистый, с шрамом на щеке. Он прошёл Халхин-Гол, знает войну. Но даже он не готов к тому, что будет через четыре дня.

Рядом — рядовой Петров, тот самый веснушчатый паренёк, что принёс записку. Ему девятнадцать, он из-под Смоленска, пишет стихи. Я знаю — он не дойдёт до Москвы. Погибнет в первом же бою, если всё пойдёт по истории.

Вот рядовой Козлов — молчаливый украинец, мастер на все руки. Он сделает из меня лейтенанта, который выживет. Или не сделает.

Я останавливаюсь перед строем.

— Бойцы, — мой голос звучит твёрже, чем я ожидал. — Сегодня у нас практические занятия. Не по уставу. А по-настоящему.

Михайлов приподнимает бровь. Бойцы переглядываются.

— Будем учиться окапываться. Не по-учебному. А так, как если бы завтра пришла война.

Кто-то хмыкает. Кто-то смотрит с недоумением.

— Товарищ лейтенант, — Петров робко поднимает руку, — а зачем? Учение же через два дня.

— Учение будет через два дня, — говорю я. — А окопы будем копать сегодня. И завтра. И послезавтра. Каждый вечер — по два часа.

— Но товарищ лейтенант, — это Михайлов, — устав не предусматривает…

— Устав, — я смотрю ему в глаза, — не предусматривает многого. Но я приказываю. Кто не хочет — может идти в наряд. Кто хочет — берёт лопаты и идёт за мной.

Минута молчания. Потом Михайлов усмехается.
— Ну, раз так — ведите, товарищ лейтенант.

Окопы мы копаем в лесу, за полтора километра от казарм.

Я выбираю место не случайно. Я помню карту — именно здесь, через три дня, пройдёт немецкая разведгруппа. Именно здесь будет первый огневой контакт. И если мои бойцы будут здесь, в готовых позициях — у них будет шанс.

Мы копаем до темноты. Не полноценные окопы — просто ячейки, но глубокие, с навесами, с секторами обстрела. Я показываю, как правильно маскировать позиции, как оставлять отходные пути, как оборудовать блиндажи.

Бойцы работают молча. Сначала — с неохотой. Потом — втягиваются. Михайлов, видя, что я знаю, что делаю, начинает помогать. К вечеру у нас уже не просто ячейки — а полноценная стрелковая позиция.

— Товарищ лейтенант, — Михайлов вытирает пот рукавом, — а почему мы здесь копаем? До полигона далеко.

— Потому что здесь удобно, — говорю я. — Смотрите — лес, укрытие, сектора обстрела хорошие. А главное — отсюда видно дорогу.

— Какую дорогу?

Я смотрю на него. Он не понимает. Ещё не понимает.

— Ту, по которой придут немцы, — говорю я тихо.

Михайлов замирает. Потом усмехается, но усмешка нервная.
— Вы шутите, товарищ лейтенант?

— Может быть, — говорю я. — А может, и нет.

Вечером меня вызывает командир полка.

Подполковник Денисов — человек лет сорока пяти, коренастый, с седыми висками. Он сидит за столом в штабе, перед ним — карта. Я вхожу, козыряю.

— Вольно, Соколов. Садись.

Я сажусь. Денисов смотрит на меня долго, молча.

— Мне доложили, что ты сегодня весь взвод в лесу гонял. Окопы копал.

— Так точно, товарищ подполковник.

— Зачем?

Я выбираю слова.
— Товарищ подполковник, я считаю, что наши позиции недостаточно оборудованы. В случае…

— В случае чего? — он прищуривается.

— В случае провокации, товарищ подполковник.

Денисов молчит. Потом встаёт, подходит к карте.

— Соколов, ты знаешь, где стоит наш полк?

— Так точно. В двенадцати километрах от границы.

— И ты знаешь, что по директиве Генштаба мы должны стоять именно здесь? Что это — передовая позиция, которая в случае чего примет первый удар?

— Так точно.

— И ты думаешь, что мы стоим неправильно?

Я смотрю на карту. Я знаю — мы стоим именно там, где по истории нас и разгромят. В чистом поле, без естественных укрытий, на открытых позициях. Идеальная мишина для артиллерии и авиации.

— Товарищ подполковник, — я выбираю слова осторожно, — я не говорю, что мы стоим неправильно. Я говорю, что нам нужно быть готовыми. К любому развитию событий.

Денисов смотрит на меня долго. Потом кивает.
— Ладно. Копай свои окопы. Но только в свободное от службы время. И чтобы бойцы не болтали лишнего. Понял?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Иди.

Я встаю, козыряю, выхожу.

Ночью я не сплю.

Сижу в казарме, при свете керосиновой лампы, и рисую карту. Не ту, что в штабе — а свою. Ту, что я помню.

Вот здесь — аэродром. Его разбомбят в первые часы войны.
Вот здесь — мост. Его взорвут сапёры, когда немцы подойдут.
Вот здесь — дорога. По ней пойдут танки 17-й танковой дивизии вермахта.
Вот здесь — лес. В нём будут окружены остатки 6-го корпуса.

Я рисую и рисую. И с каждой минутой понимаю — мы обречены.

Полк стоит в чистом поле. Справа — болото, слева — река. Сзади — лес, но он не спасёт — его обойдут. Впереди — граница, за которой — сосредоточение немецких войск.

Мы — идеальная мишень.

И у меня есть четыре дня, чтобы это изменить.

Я смотрю на карту и думаю.

Нельзя просто сказать — «немцы нападут». Не поверят.
Нельзя просто увести полк — это дезертирство.
Нельзя просто подготовить позиции — этого недостаточно.

Нужно что-то другое. Что-то, что позволит спасти людей, не нарушая приказов. Или, нарушая — но так, чтобы потом можно было оправдаться.

Я смотрю на часы.

23 часа 15 минут. 18 июня 1941 года.

Осталось три дня, двадцать три часа, сорок пять минут.

И я не знаю, успею ли.

Но я попробую.

Потому что если не я — то, кто?

Потому что эти парни — Михайлов, Петров, Козлов — они не виноваты, что родились в 1922-м. Они не виноваты, что верят в пропаганду. Они не виноваты, что идут на смерть.

И я не позволю им умереть.

Даже если ради этого придётся сломать всё.

Даже если ради этого придётся стать предателем в глазах тех, кто сейчас считает меня своим командиром.

Я гашу лампу.

Завтра — новый день.

И у меня будет ещё меньше времени.

Глава 2. Глас вопиющего в пустыне

Утро 19 июня началось с дождя.

Мелкий, противный, который превратил плац в месиво. Бойцы копали окопы — теперь уже не только мой взвод, но и другие. Михайлов, увидев, что я не сплю, принёс мне чай в жестяной кружке.

— Товарищ лейтенант, вы бы поспали.

— Не могу, — я взял кружку. — Михайлов, скажи мне честно — ты веришь, что войны не будет?

Он пожал плечами.
— Командование говорит — не будет. Значит, не будет. Но… — он замялся, — немцы на той стороне что-то слишком активно копают. Я вчера в бинокль смотрел — блиндажи строят, капитальные. Это не на учения похоже.

Я посмотрел на него с уважением. Простой сержант, а видит то, что многие генералы не замечают.

— Вот и я о том же, — сказал я. — Поэтому и копаем.

К десяти утра я был готов.

В полевой сумке — не просто рапорт, а докладная записка. Я писал её всю ночь, тщательно подбирая слова. Не мог написать «немцы нападут 22 июня» — это сразу трибунал за шпионаж. Пришлось маскировать под «анализ тактической обстановки».

В записке я указывал:
— Усиление немецкой группировки на границе (это можно было проверить разведкой)
— Странные перемещения войск противника (отвод тыловых частей, подтягивание артиллерии)
— Необходимость рассредоточения полка и оборудования запасных позиций
— Риск сосредоточения личного состава в казармах в первые часы возможного конфликта

Всё — на основе «наблюдений» и «тактического анализа». Ни слова о будущем. Ни слова о том, что я знаю.

Я оделся по форме, почистил сапоги — хоть и старые, но до блеска. Взял планшет с картой.

— Куда собрались, Соколов? — капитан, командир роты, смотрел с любопытством.

— В штаб дивизии, товарищ капитан. Докладывать.

— О чём?

— О боевой готовности.

Он усмехнулся.
— Ну-ну. Только осторожно. Полковник Громов сегодня не в духе — ночью телеграмму из округа получил.

Я кивнул и вышел.

Штаб дивизии располагался в бывшем помещичьем доме, километров пятнадцать от расположения полка. Я шёл пешком — машин не полагалось, а просить транспорт не хотел.

Дорога была пустой. Изредка проезжали грузовики с сеном, шли колонны пехотинцев на учения. Всё выглядело мирно. Слишком мирно.

На КПП меня проверили, и я вошёл в здание.

Коридоры — широкие, с лепниной на потолке. На стенах — портреты вождей, карты, схемы. Пахло мастикой и табаком.

Секретарша, молодая девушка в форме, посмотрела на меня с недоумением.
— Вам кого, товарищ лейтенант?

— Начальника штаба дивизии, полковника Громова. По вопросу боевой готовности.

— У полковника совещание, — она поморщилась. — Записи нет?

— Нет. Но вопрос срочный.

Она вздохнула и взяла телефонную трубку.
— Товарищ полковник, тут лейтенант из 247-го полка, хочет вас видеть. Говорит — срочно.

Пауза. Потом она кивнула мне.
— Проходите. Третий кабинет направо.

Полковник Громов сидел за массивным дубовым столом. Лет пятидесяти, с тяжёлым подбородком и мешками под глазами. Перед ним — карта, телефоны, стопка бумаг.

Рядом стоял ещё один человек — бригадный комиссар, с красным ромбом в петлицах. Я его не знал, но по виду понял — из особого отдела или политуправления.

— Лейтенант Соколов, — Громов не поднял глаз от карты. — Из 247-го стрелкового. Что за срочность?

Я козырнул.
— Товарищ полковник, я прибыл доложить о тактической обстановке на участке нашего полка.

— Тактической обстановке? — он наконец посмотрел на меня. — Это дело командира полка. Почему не через него?

— Товарищ подполковник Денисов занят подготовкой к учениям, а вопрос…

— Какой вопрос? — комиссар говорил тихо, но в голосе была сталь.

Я достал докладную записку.

— Я провёл анализ наблюдений за действиями противника на границе и считаю, что вероятность провокации или наступления выше, чем предполагается. Прошу рассмотреть возможность рассредоточения полка и оборудования запасных позиций.

Громов взял записку, пробежал глазами. Лицо его не менялось.

— И где ты, лейтенант, видел эти «наблюдения»? — он поднял глаза. — В разведке служишь?

— Нет, товарищ полковник. Командую взводом ПТР.

— Значит, не в разведке. Тогда с какого перепугу ты занимаешься анализом тактической обстановки? — Громов бросил записку на стол. — Это дело штаба. Дело разведки. Не твоего ума.

— Товарищ полковник, я…

— Молчать! — комиссар шагнул вперёд. — Ты что, лейтенант, паникёр? Пораженческие настроения распространяешь?

Я почувствовал, как холод пробежал по спине.

— Никак нет, товарищ бригадный комиссар. Я лишь…

— Ты лишь что? — Громов встал. — Ты, лейтенант, читал директивы Генштаба? Читал приказы наркома? Знаешь, что у нас на границе — более десяти тысяч танков, более пятнадцати тысяч самолётов? Что мы готовы к любому удару?

— Так точно, товарищ полковник. Но…

— Какое «но»? — он обошёл стол, подошёл ко мне. — Ты что, в силу Красной Армии не веришь? Сомневаешься в мудрости товарища Сталина?

— Никак нет, товарищ полковник!

— Тогда почему, — он говорил тихо, но каждое слово — как удар, — почему ты, лейтенант с двумя месяцами выслуги, считаешь, что знаешь больше, чем Генеральный штаб?

Я молчал. Не было слов. Не было аргументов. Как объяснить, что я знаю будущее? Как сказать, что через три дня этот полковник будет мертв, а дивизия — разгромлена?

— Молчишь? — комиссар тоже подошёл ближе. — А я тебе скажу, что это. Это — пораженчество. Это — паникёрство. Это — подрыв боеспособности Красной Армии.

Громов посмотрел на комиссара, потом на меня.

— Лейтенант Соколов, ты понимаешь, что за такие речи полагается трибунал? Что за паникёрство в предвоенное время расстреливают?

— Понимаю, товарищ полковник.

— Тогда почему ты здесь? Почему тратишь моё время на свои фантазии?

Я посмотрел ему в глаза. Усталые, красные от бессонницы глаза. Человек, который тоже не спит ночами. Который тоже чувствует — что-то не так. Но который не может, не имеет права признать это.

— Товарищ полковник, — я говорил тихо, — я прошу вас. Просто рассмотрите мою записку. Проверьте данные. Если я ошибаюсь — расстреляйте меня. Но если я прав…

— Хватит! — Громов ударил кулаком по столу. — Лейтенант, ты забылся. Ты, видимо, начитался провокационных слухов. Забыл, что каждый второй сейчас панику сеет. Что немцы — это не угроза, а партнёры по договору.

Он взял записку и разорвал её пополам. Потом — ещё раз. Бросил обрывки в корзину.

— Возвращайся в полк. Займись своими противотанковыми ружьями. И чтобы я больше не слышал о твоих «анализах». Понял?

Я смотрел на обрывки бумаги в корзине. Три дня работы. Ночные размышления. Всё — в мусорное ведро.

— Понял, товарищ полковник.

— Вольно. Иди.

Я шёл обратно долго.

Дождь усилился. Вода текла по лицу, за воротник, в сапоги. Но я не чувствовал холода.

Я чувствовал только одно — безнадёжность.

Я пытался. Я действительно пытался. Я шёл по официальной линии, пытался говорить на их языке, пытался убедить. И что?

Меня чуть не арестовали.

Меня назвали паникёром.

Мою записку разорвали.

Я остановился на обочине, прислонился к дереву.

Дождь барабанил по листьям. Где-то вдалеке гремел трактор.

Я закрыл глаза.

Значит, так. Значит, официальные каналы не работают. Значит, никто не поверит. Значит, придётся действовать самому.

В одиночку.

Без разрешения.

Без поддержки.

Я открыл глаза и посмотрел на дорогу. Вдалеке виднелся лес — тот самый, где мы копали окопы.

Три дня.

У меня осталось три дня.

И я не буду больше просить разрешения.

Я не буду больше никого убеждать.

Я просто сделаю то, что должен.

Даже если за это меня расстреляют.

Потому что, если я не спасу этих людей — кто их спасёт?

Я оттолкнулся от дерева и пошёл дальше.

Быстрее.

Время уходило.

Глава 3. Тихий сапёр

Ночь на 20 июня была тёмной, безлунной.

Я вышел из казармы в два часа ночи, когда караулы сменились и внимание притупилось. Чёрная гимнастёрка, чёрные штаны, сапоги обмотаны тряпками, чтобы не скрипели. На поясе — нож, компас, бинокль. В полевой сумке — карта, карандаш, три гранаты Ф-1.

Я не спал почти двое суток. Но сейчас не время было отдыхать.

Граница была в четырёх километрах.

Я шёл не по дороге — по лесу, по оврагам, по сухим руслам ручьёв. Я знал эту местность — не потому, что изучал её в 1941-м, а потому что видел её на картах из будущего, на схемах боёв, на воспоминаниях ветеранов.

Но одно дело — карта. И совсем другое — живая земля под ногами.

Я шёл медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Лес дышал — где-то ухала сова, шелестели листья, трещала ветка под лапой зверя. Но за этими звуками я искал другие — те, что не принадлежали этому лесу.

Через час я вышел к опушке.

Передо мной простиралось поле — широкое, ровное, до самой границы. А за ней — в полутора километрах — виднелись огни немецкого лагеря.

Я достал бинокль.

Немцы не спали.

Даже в темноте я видел движение — тени, силуэты машин, вспышки сигарет. Они тоже готовились. Не к обороне — к наступлению.

Я достал карту и карандаш. Начал рисовать.

Вот здесь — наблюдательный пункт. Вот здесь — артиллерийские позиции. Вот здесь — скопление танков, замаскированных под деревьями. Вот здесь — пехотные окопы, обращённые… на восток. На нас.

Я рисовал и понимал — всё, что я знал из учебников, подтверждалось. Они готовы. Они ждут только команды.

И у меня осталось двое суток.

Я вернулся в лес и пошёл дальше — на север.

Там, где по моим расчётам, через два дня пройдёт клин 17-й танковой дивизии вермахта. Там, где они прорвут оборону и выйдут в тыл полку.

Мне нужно было найти место для засады.

Я шёл по низине, скрытой от наблюдения. Земля здесь была сырой, с кочками, с густым подлеском. Не место для танков — но именно поэтому немцы пойдут здесь. Они будут думать, что мы не ожидаем удара в таком месте.

Я нашёл его через час.

Узкий проход между двумя холмами, заросший кустарником. Сверху — деревья, снизу — густая трава. Идеальное место для противотанковой засады. Если правильно расположить огневые точки — танки не пройдут.

Я начал работать.

Не как лейтенант Красной Армии. А как человек, который знает, что будет через два дня.

Я нашёл старые пни, вывороченные корни, упавшие деревья. Использовал их как естественные укрытия. Выкопал три ячейки для стрелков — глубокие, с навесами, с секторами обстрела, перекрывающими друг друга. Замаскировал их ветками, травой, землёй.

Потом — мины.

У меня не было противотанковых мин — их было мало, и их берегли. Но у меня были гранаты. Я взял шесть Ф-1 и начал делать растяжки. Не по уставу — а так, как делали партизаны в сорок втором. Граната, проволока, чека, колышек. Всё просто. Всё смертельно.

Я установил их на подступах к позиции. Не на дороге — рядом, в траве. Чтобы немцы не заметили. Чтобы они сработали, когда танки пойдут в обход.

Работал молча, быстро, механически. Руки знали, что делать — не потому, что я учился этому в 1941-м, а потому что я читал об этом в книгах, смотрел в документалках, видел на реконструкциях.

Но сейчас это было не теорией. Сейчас это было жизнью.

К рассвету я вернулся в расположение полка.

Пробрался в казарму через окно — дверь была заперта. Снял грязную одежду, спрятал в вещмешок под нары. Лёг на наре, закрыл глаза.

Через час поднялась тревога — подъём.

Я встал вместе со всеми, умылся, оделся. Бойцы смотрели на меня сонными глазами. Никто не заметил, что меня не было четыре часа.

— Товарищ лейтенант, — Михайлов подошёл ко мне, — вы какой-то… бледный. Не спали?

— Спал, — я старался говорить ровно. — Просто душно было.

Он посмотрел на меня с сомнением, но не стал расспрашивать.

Днём я пошёл к командиру роты.

— Товарищ капитан, — я козырнул, — прошу разрешения провести ночные занятия с взводом. Отработка действий в тёмное время суток.

Капитан поднял глаза от бумаг.
— Ночные занятия? Зачем?

— Товарищ капитан, бойцы не умеют действовать ночью. А в случае провокации…

— В случае провокации мы будем действовать по уставу, — он усмехнулся. — Но ладно. Проведи свои занятия. Только чтобы тихо было. Комполка не любит, когда ночью шумят.

— Так точно.

Вечером я собрал взвод.

Двенадцать человек. Михайлов, Петров, Козлов, и ещё девять бойцов. Все — молодые, неопытные, кроме Михайлова.

— Бойцы, — я говорил тихо, — сегодня у нас особые занятия. Ночной марш. Без шума, без огня, без разговоров.

Петров поднял руку.
— Товарищ лейтенант, а куда мы идём?

— В лес. Будем учиться двигаться бесшумно. И оборудовать позиции.

— Какие позиции? — Козлов нахмурился. — Мы что, на войну идём?

Я посмотрел на него. Молчаливый украинец, с тяжёлым взглядом. Он не был трусом — он был реалистом.

— Нет, — сказал я. — Мы учимся. Но учимся так, как если бы война была завтра.

Бойцы переглянулись. Но спорить не стали.

Мы вышли из казарм в десять вечера.

Я вёл их не по дороге — по лесу, по той же тропе, по которой ходил ночью. Бойцы шли молча, стараясь не шуметь. Михайлов шёл впереди — он умел двигаться тихо.

Через час мы вышли к позиции, которую я оборудовал ночью.

— Стоп, — я остановил взвод. — Смотрите.

Я показал им ячейки, растяжки, укрытия.

— Вот так должны выглядеть позиции. Не по уставу — а по-настоящему. Здесь — стрелок, здесь — второй, здесь — третий. Сектора обстрела — вот так, вот так. Растяжки — здесь, здесь.

Бойцы смотрели с интересом. Это было не то, чему их учили.

— Товарищ лейтенант, — Михайлов присел, рассмотрел растяжку, — а это… это не по уставу.

— Устав, — я посмотрел на него, — не учитывает всего. А я учитываю.

Он кивнул, не стал спорить.

— Так, — я обвёл взглядом взвод, — сейчас выкопаем ещё три ячейки. Вот здесь, здесь и здесь. Потом — отработаем занятие позиций. И — обратно.

Бойцы взялись за лопаты.

Работали молча, быстро. К полуночи позиции были готовы.

— А теперь — отходим, — я посмотрел на часы. — Два часа ночи. В три — подъём. В четыре — построение.

Мы вернулись в казармы к рассвету.

Утром меня вызвал политрук Кобелев.

Я вошёл в его комнату, он сидел за столом, курил.

— Соколов, — он не посмотрел на меня, — ты опять всю ночь где-то бродил.

Я напрягся.
— Товарищ политрук, я…

— Не ври, — он наконец поднял глаза. — Караульный видел, как ты выходил из казармы. И возвращался.

Я молчал

— Соколов, — Кобелев встал, подошёл ко мне, — я не знаю, что ты задумал. Но я вижу — ты что-то знаешь. Что-то, чего не знаешь ты.

Я посмотрел на него.

— Товарищ политрук, я…

— Не говори, — он махнул рукой. — Я не хочу знать. Мне достаточно того, что ты не паникёр. Что ты готовишь бойцов. Что ты делаешь то, что должен делать командир.

Он помолчал.

— Но будь осторожен, Соколов. Если тебя поймают на самовольных вылазках — трибунала не избежать.

— Понимаю, товарищ политрук.

— И ещё, — он посмотрел на меня внимательно, — если ты прав… если война действительно будет… ты будешь готов?

Я посмотрел ему в глаза.

— Я готов, товарищ политрук.

Он кивнул.
— Ладно. Иди. И будь осторожен.

Я вернулся в казарму и сел на нар.

Осталось двое суток.

Я достал карту и начал рисовать новые позиции. Ещё одну — на юге, где пойдут пехотные части. Ещё одну — на востоке, где будет отход.

Я знал, что не успею подготовить всё. Но я должен был сделать максимум.

Потому что через два дня начнётся война.

И я должен был быть готов.

Даже если никто другой не был.

Глава 4. Дезертирство по-умному

Утро 20 июня я встретил с чашкой цикория в руках.

Я сидел на завалинке казармы и смотрел, как полк начинает свой обычный день. Бойцы умывались у колодца, повара разжигали полевые кухни, обозники проверяли лошадей.

Обоз

Я посмотрел на повозки, нагруженные ящиками с патронами, мешками с сухарями, бочками с водой. Рядом — санитарные телеги, на которых лежали несколько раненых после недавних учений.

И понял.

В окружении обоз — это смерть.

Лошади будут ржать от страха под артиллерийским огнём. Телеги застрянут в грязи. Раненые не смогут двигаться. И всё это — тормоз, который не даст полку выйти из котла.

Я знал по истории — именно обозы и раненые становились ловушкой для тысяч солдат в сорок первом. Они замедляли колонны, деморализовали бойцов, превращали отход в бегство.

И я не мог позволить этому случиться.

Но как вывести обоз легально? Как отправить людей в тыл, не вызвав подозрений?

Я допил цикорий и пошёл в санчасть.

Санчасть располагалась в бывшей конюшне — длинное низкое здание с запахом карболки и йода. Внутри — три нар для раненых, стол с медикаментами, шкаф с бинтами.

Военфельдшер, молодой лейтенант по фамилии Борисов, копался в аптечке. Лет двадцать пять, с нервным лицом и дрожащими руками.

— Товарищ лейтенант, — он поднял глаза, — вам чего?

— Товарищ лейтенант Борисов, — я сел на табурет, — у меня к вам дело.

— Какое?

— Мне нужно отправить часть взвода в тыл. По медицинским показаниям.

Борисов нахмурился.
— Кого? У тебя же бойцы здоровые.

— Не все, — я достал из кармана список. — Вот — Петров. Жалуется на боли в животе. Козлов — на головные боли. И ещё трое — на слабость, тошноту.

Борисов посмотрел на список.
— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю, — я говорил тихо, — чтобы ты осмотрел их и поставил диагноз. Пищевое отравление. Или кишечная инфекция. Что-то, что требует лечения в тылу.

Он посмотрел на меня долго. Потом понял.

— Соколов, — он усмехнулся, — ты что, симулировать собрался?

— Не я, — я покачал головой. — Бойцы. Я просто прошу тебя помочь им.

— Помочь? — он фыркнул. — Ты знаешь, что за симуляцию?

— Знаю, — я посмотрел ему в глаза. — Трибунал. Расстрел. Но ты же понимаешь — если начнётся провокация, эти парни не смогут воевать. Они будут только мешать.

Борисов молчал. Потом вздохнул.

— Ладно, — он достал бланки. — Но я их не осматриваю. Я просто пишу, что они жалуются на симптомы. А ты их приводишь — и я оформляю эвакуацию.

— Спасибо, товарищ лейтенант.

— Не благодари, — он начал писать. — Просто знай — если всплывёт, я тебя сдам.

— Не всплывёт, — я встал. — Спасибо.

Днём я собрал взвод.

— Бойцы, — я смотрел на них, — у меня к вам разговор.

Петров, Козлов и ещё трое стояли в строю, смотрели с любопытством.

— Я знаю, — я говорил тихо, — что некоторые из вас не готовы к бою. Не потому, что трусы — а потому что не обучены, не подготовлены. И если начнётся война — вы погибнете первыми.

Молчание

— Поэтому я принял решение, — я продолжал, — отправить вас в тыл. По медицинским показаниям. Вы будете жаловаться на боли в животе, на слабость, на тошноту. А военфельдшер оформит вас на эвакуацию.

Петров широко открыл глаза.
— Товарищ лейтенант, вы… вы что, хотите, чтобы мы симулировали?

— Я хочу, — я посмотрел на него, — чтобы вы выжили.

Козлов нахмурился.
— Товарищ лейтенант, а как же… а как же полк? Мы что, бросим вас?

— Вы не бросаете, — я покачал головой. — Вы выполняете приказ. Приказ командира, который знает — вы не готовы к бою. И который не хочет отправлять вас на верную смерть.

Молчание

Потом Михайлов, стоявший в строю, шагнул вперёд.
— Товарищ лейтенант, а я? Я готов к бою. Я прошёл Халхин-Гол.

— Ты, — я посмотрел на него, — останешься со мной. Ты нужен здесь.

Он кивнул, не стал спорить.

— Так, — я обвёл взглядом взвод, — Петров, Козлов, Сидоров, Иванов, Смирнов — вы идёте в санчасть. Жалуетесь на боли в животе, на тошноту. Борисов оформит вас на эвакуацию. Завтра утром — обоз уходит в тыл. Вы — с ним.

Петров посмотрел на меня.
— Товарищ лейтенант, а вы… вы уверены, что война будет?

Я посмотрел на него. На его молодое, веснушчатое лицо. На глаза, полные страха и надежды.

— Уверен, — сказал я. — И поэтому я хочу, чтобы ты выжил. Чтобы ты вернулся домой. Чтобы ты написал свои стихи.

Он кивнул, не сказал ни слова.

Вечером я пошёл в штаб полка.

Мне нужно было оформить документы на отправку обоза в тыл. Не как эвакуацию раненых — а как плановый отвод тыловых частей. По директиве Генштаба.

Я знал — такие директивы были. Они предписывали отвод тыловых частей на безопасное расстояние в случае угрозы провокации. И я собирался использовать эту директиву.

Подполковник Денисов сидел в штабе, курил трубку.

— Товарищ подполковник, — я козырнул, — прошу разрешения на отвод обоза и санчасти в тыл.

Он поднял глаза.
— Зачем?

— Товарищ подполковник, согласно директиве Генштаба от 18 июня, в случае угрозы провокации тыловые части должны быть отведены на безопасное расстояние. Я считаю, что такая угроза есть.

Денисов посмотрел на меня долго.

— Соколов, — он наконец сказал, — ты опять за своё?

— Никак нет, товарищ подполковник. Я просто выполняю директиву.

Он помолчал. Потом кивнул.

— Ладно. Отводи обоз. Но только обоз и санчасть. Боевые части остаются на местах.

— Так точно, товарищ подполковник.

— И Соколов, — он посмотрел на меня, — если ты прав… если начнётся война… ты будешь готов?

— Готов, товарищ подполковник.

— Иди.

Ночью я не спал.

Я сидел в казарме и смотрел на бойцов, которые спали на нарах. На тех, кто останется со мной. На тех, кого я отправлю в тыл.

Завтра утром обоз уйдёт. И я буду знать — хотя бы некоторые из них выживут.

Хотя бы некоторые.

Я посмотрел на часы.

23 часа 45 минут. 20 июня 1941 года.

Осталось меньше суток.

Завтра — последняя ночь мира.

А потом — война.

И я не знаю, сколько из нас переживёт её.

Но я знаю одно.

Я сделал всё, что мог.

И если хоть один из этих парней выживет благодаря мне — значит, я не зря здесь.

Я закрыл глаза.

Завтра — последний день.

И я должен быть готов.

Глава 5. Субботний вечер

Обоз ушёл утром.

Я стоял у ворот казарм и смотрел, как повозки одна за другой выезжают на дорогу. Лошади фыркали, обозники покрикивали, санитарные телеги подпрыгивали на кочках.

В одной из телег — Петров. С письмом в кармане гимнастёрки. С карандашом, которым он писал стихи. С девятнадцатью годами впереди.

Я знал — он выживет.

Обоз уйдёт километров на сорок в тыл, в районный центр. Там их разместят в школе, в церкви, где угодно — только не на линии огня. А через два дня, когда начнётся война, они будут уже далеко отсюда. Далеко от танковых клиньев, от бомбёжек, от котлов.

Петров выживет.

Но те, кто остался — нет. Не все.

Я отвернулся от дороги и пошёл обратно в казармы.

Вечером в клубе были танцы.

Клуб — это переделанный колхозный дом на краю городка. Широкий зал с побелённым потолком, дощатый пол, натёртый до блеска. На сцене — гармонист, толстый сержант из роты связи, с красным лицом и хитрыми глазами. На стенах — портреты, лозунги, красные флаги.

Я стоял у двери и смотрел.

Бойцы танцевали. Молодые, смеющиеся, в чистых гимнастёрках, с начищенными пряжами ремней. Девушки — местные, из городка, из соседних деревень — кружились с ними, откидывали головы назад, смеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.